

БАЗОВЫЕ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕДУРЫ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

В статье рассматриваются основополагающие процедуры, используемые в социально-гуманитарном исследовании. Выявляются проблемы, возникающие в аспекте их понимания и использования. Их когнитивная ценность раскрывается через сравнительный подход и определение функционально-операционального значения.

Ключевые слова: понимание, объяснение, интерпретация, познание, язык, коммуникация, текст, деконструкция, метод.

Одним из признаков гуманитарных наук является то, что они познают не только бытие человека, взятое самое по себе, но и бытие в его осознанности. Непреходящее значение в этом имеет понимание как метод рефлексии и переработки представлений и высказываний человека. «Человек в его человеческой специфике всегда выражает себя, то есть создает текст (хотя бы потенциальный). Там, где человек изучается вне текста и независимо от него, это уже не гуманитарные науки» [1, с. 123]. В познании человека и человеческого мира понимание предстает гносеологической процедурой синтеза знания, обеспечивающего проникновение в общий смысл человеческого существования. Постигание смысла исследуемой реальности в ее целостности есть результирующий акт целой цепочки других отдельных актов, связанных с объяснением частных сторон и аспектов этой реальности.

Наука – это система общающихся субъектов, в которой универсальной коммуникативной структурой выступает язык, непрерывно функционирующий в силу того, что познавательная деятельность постоянно создает конкретные ситуации, требующие его использования. И активность субъекта деятельности, и исследовательские действия субъекта познания можно интерпретировать как разноплановые игры, в основе которых лежит язык. Каждая игра требует свой язык и правила. Правила языковой игры образуют систему культурных установок и рефлексивной рациональности для данного субъекта. Система правил определяет типовые схемы исследовательских актов, обладающих рациональным характером и целевой определенностью, а также типовую организацию познающего мышления. Можно предположить, что научное сообщество функционирует на основе системы языковых игр. Модель языковой игры – это принятая модель общения, мир

рассуждений ученого, его высказываний, языка конкретного исследовательского коллектива, научного сообщества (аналогом могут послужить «парадигма» Т. Куна, «исследовательская программа» И. Лакатоса, «тематический анализ» Дж. Холтона и т. д.). Исследовательский коллектив в частности или научное сообщество в целом утверждает свою профессиональную и коммуникативную однородность за счет формирования культурных форм мышления и культуры языка, задающих способы интерпретации и способствующие достижению понимания.

В. Дильтей развил мысль об отграничении понимания, характерного гуманитарным дисциплинам (наукам о духе), от объяснения, характерного для естественных наук. Из различения познавательных целей гуманитарных и естественных наук следовало, что они должны пользоваться различными методологическими приемами. По Дильтею, содержание естественных наук дано исследователю во «внешнем» опыте реальности, в то время как содержание гуманитарных наук – во «внутреннем» опыте переживания. Данный опыт есть не только опыт реальности, но и сама реальность. Понимание здесь характеризуется как способность субъекта «вживаться» в изучаемую реальность, сделать себя ее частью.

Однако следует отметить, что функциональную область понимания нельзя ограничивать областью общественных наук. Если под последними понимать самопознание, то вопрос о самопознании ставит перед собой и естествознание. Например, оно актуализирует вопросы, касающиеся своего онтологического, гносеологического и методологического основания существования. Оно также стремится не только объяснить природу исследуемых явлений, создавая логически взаимосвязанную цепочку суждений, позволяющих подводить отдельные объективно существующие явления под опре-

деленный закон, но и понимать существующее многообразие связей между субъектом и объектом. И, наоборот, в социально-гуманитарных науках метод понимания связан, как правило, с объяснением.

В традиции современной западной методологии науки понимание часто отождествляется с процедурой объяснения. Такой точки зрения придерживается Т. Кун, И. Лакатос, П. Фейерабенд, В. Селларс, М. Хессе и др. Сведение понимания к объяснению существенно ограничивает понимание, не позволяя схватить уникальность и неповторимость того или иного явления. Современная наука предусматривает взаимоположение объяснения и понимания, однако из их коррелятивных отношений вовсе не следует, что они тождественны.

Объяснение обладает своим когнитивно-методологическим положением, так же и понимание обладает самостоятельным онтологическим и гносеологическим статусом, так как человеческому роду имманентно присуща способность понимать, понимать и на уровне эмпирической реальности, и на уровне теоретических представлений, и, соответственно, понимая, постигать смыслы материальных вещей и предметов мысли. Поэтому между ними имеется существенное различие.

Процедура объяснения предполагает движение мысли от объясняемого явления через логические операции, раскрывающие внутренние взаимосвязи, к общим теоретическим законам, определяющим его сущность [2]. В отличие от объяснения, понимание не предполагает формулирование строгих теоретических законов. К пониманию как к методу познания прибегают тогда, когда к познающему явлению невозможно применить строгие логические схемы. В строгом подходе функция объяснения направлена на объект познания, а функция понимания – на субъект. Средства объяснения носят логико-теоретический характер, в то время как средства понимания – индивидуально-личностный характер. Из сказанного видно, что функциональным пространством объяснения выступает преимущественно естествознание, а для понимания – социально-гуманитарные науки.

Из строгого разграничения объяснения и понимания выявляется и другая сторона рассматриваемой темы, которую можно свести к следующей проблеме: если мы характеризуем объяснение и понимание как методы познания, используемые в естественно-научном и социогумани-

тарном познании, то в социогуманитарных науках понимание должно иметь такую же гносеологическую силу, какой обладает объяснение в естественных науках. Иными словами, если мы говорим о понимании как о методе и способе постижения смысла, то оно должно быть правильным, а правильным является такое понимание, которое соотносено с объяснением. Если же объяснение есть нечто принципиально отличное от понимания, и поэтому не может быть использовано в социально-гуманитарном познании, то смыслообразование и его приписывание общественно-культурным явлениям есть личное дело каждого; в таком случае остается открытым вопрос: может ли быть сообщен смысл, вкладываемый в понятие одним субъектом, другому субъекту коммуникативного процесса?

В обсуждаемом вопросе следует иметь в виду то, что понимание не всегда может быть подведено под рациональную схему. Поэтому оно не всегда сопровождается рациональным объяснением. И на этом основании не претендует быть рациональным процессом. В частности, так обстоит дело в этике, эстетике, искусстве, культурной жизни человека. И здесь часто понимание может носить невербальный характер. Однако, когда речь идет о науке, в частности о гуманитарном познании, понимание предстает как результат вербальной коммуникации. В познании общественных явлений вербальные сообщения проходят через сознание, ибо требует оценки соответствия сообщения тому, о чем в нем говорится, и поэтому находится под рациональным контролем. А это говорит о том, что понимание как феномен познавательного процесса соотносено и связывается с рациональным объяснением понятого.

В XX веке в связи с успехами в развитии логики, кибернетики и лингвистики ученые приходят к выводу о необходимости изучения структуры вопросов, которые в исследовательском процессе человек задает миру, и ответов, которые могут быть сформулированы в виде «ожиданий». Реконструкция и исследование схем вопросов и ответов показывает, что способность интерпретации знаков и составленных из них выражений соотносены с таким методом познания, когда единицей методологического и семантического анализа выступает не язык, порождающий текст, а сам текст, который позволяет реконструировать язык. Исходные идеи этого подхода были разработаны в 30-х гг. в трудах отечественного исследователя М.М. Бахтина.

Текст, согласно М.М. Бахтину, есть «первичная данность... всего гуманитарно-философского мышления в его истоках» [3, с. 281].

При первом приближении текст понимается как совокупность последовательно связанных между собой языковых знаков. Примером могут служить книги, статьи из журналов. Сюда же могут быть отнесены и появившиеся в связи с развитием современной информационной техники, телевидения, радио и кино аудио и видео пленки, телевизионные программы, художественные формы. В масштабном плане на роль текста может претендовать любой элемент культуры, который имеет знаково-символический характер и несет информацию о мире.

Культурная ценность текста заключается в том, что в его информации можно найти смысл и сконструировать новые смыслы, которые дают нам иной взгляд на мир и раскрывают его новые стороны и смыслы. Особенностью текста является то, что в отличие от речи, он может существовать вне его создателя, автора, и контекста его произведения.

Тексты являются результатом культурно-исторической деятельности людей, они играют важнейшую роль в познавательном процессе, в них объективируются социально-культурные смыслы человеческой деятельности, и несут в себе определенный социально-исторический опыт практической и познавательной активности человека. В таком восприятии текст выступает предметом-посредником между субъектом и исследуемой предметной областью. В этом смысле его часто называют особой второй, опосредованной, реальностью, он представляет собой вторичный уровень бытия реальности. Текст как опосредованная знаковой системой реальность является такой формой объективированного знания, которое интегрирует в себя содержание вещей, событий и процессов, имевших место, и в этом оно отличается от индивидуального знания. Наиболее значимой чертой научных текстов можно полагать то, считает В.А. Лекторский, что это содержание может не осознаваться тем, кто произвел это объективированное знание – творцом научной теории. Выделяется это содержание лишь в ходе исторического развития познания. Возможно, этим обстоятельством объясняется тот общеизвестный факт, что история каждый раз обновляется и как бы пишется заново [4, с. 161–162].

То, что делает произведение культурно и ценностно значимым, состоит в том, что его со-

держание может скрытно содержать в себе новые и новые пласты объективированного знания, которые могут быть выявлены с течением времени [4, с. 162–163]. В этом обнаруживается и еще одна важная особенность текста, позиционирующего себя в виде второй, особой реальности: текст выступает в качестве опосредованного средства познания внешнего объекта, не имея никакой непосредственной связи с ним.

Объектом исследования в гуманитарных науках являются, как правило, научные тексты, понимаемые как знаково-семантические системы, которые выступают носителями определенных смыслов о явлениях и процессах мира. И на самом деле, как в системе культуры в целом, так и в социальной жизни тексты решают две основные задачи: с одной стороны, они осуществляют адекватную передачу значений, а с другой – порождают новые смыслы. Изучение текста – это акт понимания. Понимание является познавательной процедурой, в процессе которой происходит декодирование смысла, содержащегося в изучаемых знаках. Понимание текста реализуется в системе описания субъекта познания. Описание фиксирует научные факты, которые воспроизводят смысл текста и включают в себя определенную теоретическую интерпретацию этих фактов, осуществляемую в соответствии с той философской и методологической установкой, которой придерживается исследователь.

Текст тем самым выступает как система смыслопорождения. В основе этой точки зрения лежит идея, согласно которой объект, отраженный в тексте, предстает перед исследователем в новом ракурсе, а угол зрения самого ракурса зависит от тех вопросов, которые актуализированы в этом исследовании и значимы для современности. Изучение текста здесь видится как раскрытие сущности феномена объективированного в символической системе знания как источника постоянной реинтерпретации массива концептуальных представлений о первичной научно значимой (прошлой или актуальной) реальности. И на основе этого постижение смыслов, построение целостной картины. Текст являет себя в своем существовании как особое смысловое единство. Его понимание неотделимо от того контекста, в котором он воспринимается, то есть ситуации, включающей мыслительный, языковой и культурный опыт сообщества, благодаря которым формируются условия осмысленности.

Текстовое произведение в своем функциональном явлении предстает как источник смыс-

лопорождения. В плане раскрытия механизма смыслопорождения интересную мысль высказал Ю.М. Лотман. Текстом, полагает он, являются не только результаты научной или литературной деятельности, фиксированные в бумажных носителях, и культура в ее широком смысле, но и сам человек. В таком случае человек как читатель оказывается включенным в сам текст, а текст, в свою очередь, выступает как субъект, субъект как носитель культурных ценностей. Вследствие этого текст преобразуется: он из пассивного передатчика, извне заложенного в него смысла, превращается в некий генератор новых смысловых структур [5, с. 4–5].

В познании реализуется несколько подходов к анализу текста, которые позволяют раскрыть смысловые структуры и понять его. Одним из таких методов является семиотический подход к анализу текста, в ходе которого раскрываются синтаксическая (или формальная) структура текста, его смысловые (семантические) аспекты, а также коммуникативные и практико-познавательные (прагматика) возможности текста.

Анализ текстов осуществляется и с помощью структурного метода. Этот метод широко разрабатывается и используется в антропологии, истории, лингвистике, этнологии. Широко и успешно этот метод был использован К. Леви-Стросом в «Структурной антропологии», «Первобытном мышлении» и других работах. Структурный анализ позволяет выявить глубинные структуры текста, которые находятся «позади» первичного смыслового (значения слов, предложений) слоя.

Благодаря структурному анализу текста появляется возможность рассматривать науку как в статике, так и в динамике. Статистические стороны науки обнаруживаются в процессе использования метода синхронического анализа текста, в ходе которого устанавливается, что науке, как и любому другому развивающемуся объекту, свойственны колебания между непродуктивными элементами и инновационными идеями. Этот метод реализован в работе М. Фуко «Слова и вещи». Статистический период науки находит свое наиболее адекватное воплощение в учебниках, в концепции «нормальной науки» Т. Куна. Диахронический метод анализа текста позволяет выделить и фиксировать идеалы и нормы научного исследования, которые подвержены историческому изменению: от частичной перестройки до полной смены другими.

Неоценимое значение в анализе текстов имеет и метод герменевтики. Научный текст имеет знаковую природу, что и делает его особой семиотической системой. Герменевтический анализ предполагает на основе общего, первоначального понимания (предпонимания) целого текста, изучение значений его отдельных элементов, частей, что, в свою очередь, ведет к более глубокому пониманию целого. Здесь мы имеем дело с понятием «герменевтический круг» – понимание целого предполагает понимание части, и наоборот. Однако представляется, что этот процесс нельзя рассматривать как замкнутый круг, но следует понимать как спираль. Как отмечается в литературе, в последовательном раскрытии усвоения языковых структур помогают скрытые, но существенные факторы, значительно определяющие новизну исследования. К ним в первую очередь относится неязыковая информация, «которой обладает человек на начальном этапе познания мира и которая образует определенную систему его представлений о мире... Без предположения такой системы информации, наличие которой подтверждается логическими и эмпирическими аргументами, теряется сама возможность рационального объяснения понимания языка на начальном этапе его усвоения» [6, с. 120]. Поэтому процесс понимания целостной системы через ее отдельные элементы и элементов через целостность выступает как цепочка ряда исследовательских актов понимания, связанных с новизной, что дает основание говорить о развитии процесса понимания по спирали.

В анализе текста возникают и трудности, связанные с проблемой понимания текстовых источников. Эти трудности получили отражение в гипотезе Сепира-Уорфа, концепции несоизмеримости теорий Т. Куна и П. Фейерабенда, концепции онтологической относительности У. Куайна, объединяемых общим названием «альтернативные миры». Речь идет о проблеме переводимости текста с одного языка на другой. Согласно концепции Куна, задача историка науки, работающего над историческими текстами, заключается в том, чтобы тексты прошлых эпох переводить на язык современного научного сообщества [7, с. 259]. Возникает вопрос об адекватности перевода текста. Куайн в «онтологической относительности» утверждает, что представители разных теорий (семиотических структур) живут в разных концептуальных мирах и не замечают этого в силу того, что

истолковывают чужой мир по аналогии с собственным миропониманием [8, с. 55–56].

Проблема переводимости текста и исторического понимания [9, с. 14] не получила решения в рамках этих концепций. Однако следует заметить, что в реальной познавательной практике новые теории возникают преимущественно как критическое преодоление «ошибок» старых теорий. Если это имеет место быть, то между разными концептуальными теоретическими системами существуют незримые отношения непрерывности и преемственности определенных смыслов.

С развитием методологии гуманитарного познания произошла трансформация исследовательских подходов к пониманию роли и значения текста в познавательном процессе: от герменевтики через структурализм до постмодернизма. Если герменевтика ориентирована на понимание текста на основе способов его понимания, то постмодернизм отвергает всякие навязываемые извне (культурой, обществом, автором) схемы понимания текста, взамен предлагая свободный полет мысли и интерпретации. При этом интерпретация понимается не в традиционно герменевтическом смысле как средство понимания и поисков смысла, а как непрерывный хаотический поток мыслей, как свободная игра слов. Стремясь к отождествлению научного и художественного текстов, постмодернизм (Ж. Деррида) предлагает освободить научный текст от логицизма и рационализма в его построении и истолковании. Исторический анализ текста, говорит М. Фуко, предлагаемый нам классической традицией герменевтики, всегда основан на поисках исходной рационально-логической основы и базируется на представлении о существовании некой культурной целостности [10, с. 17], что ведет к интерпретации всей истории как непрерывного в своей основе преемственного процесса. Фуко задается вопросами: где критерий того, что идея преемственности более предпочтительна перед идеей прерывности? почему в историческом анализе в угоду закономерности должна быть отброшена случайность? почему в эволюции общества превозносится сознательная активность людей и умалчивается место бессознательного в этом процессе?

В связи с «необоснованностью» традиционного научного подхода к интерпретации текста постмодернизм считает наиболее подходящим для этой цели метод деконструкции, в основе которого лежит принцип шизоанализа. Шизоанализ как исследовательская техника

предлагает отказ от стереотипов мышления, разрушение общепринятых смыслов и структур, обнажая принципиальную бесструктурность и бессознательность. Бессознательность рассматривается как важный фактор в динамике социальной жизни.

В постмодернистской методологии деконструкция понимается как альтернатива рациональной интерпретации мира. Она несет с собою семиотический подход прочтения текстов с ярко выраженным синергетическим акцентом. Реализация этого подхода к тексту ведет к порождению значений без всякой связи с центральной идеей и ясно обозначенной целью; это происходит путем расшатывания сложившихся языковых выражений и традиционных философских стереотипов. И еще этот подход ведет к осуществлению поиска новых смыслов и значений в отдельных словах и предложениях в ущерб общей смысловой целостности.

Интерпретация тесно связана и предполагает язык, а язык, в свою очередь, предусматривает интерпретацию. Если взять не только язык, а культуру в целом, то она существует, как отмечают исследователи, «как работа человека над постоянной интерпретацией накопленного культурного богатства, как переосмысление ранее сложившихся смыслов. Без интерпретации нет освоения культуры как содержания личностного сознания, деятельности, нет культуры как механизма воспроизводства» [11, с. 58].

Как общенаучный метод и базовая операция познания в социально-гуманитарных науках интерпретация позволяет установить значение языковых структур, то есть концептуальных высказываний, соотнеся их с предметной областью исследования, ибо язык и мир являются соотнесенными между собой. Отношение человека к внешнему миру опосредовано языком и формируется через язык. Как отмечает Г.Г. Гадамер, язык – это «среда, в которой объединяются, или, вернее, предстают своей исконной принадлежностью «Я» и мир» [12, с. 548]. Языковое выражение может быть наделено смыслом и без такого соотнесения, на основе теоретического осмысления. Определенность смысла высказывания или текста есть в то же время и языковая определенность, так как язык предстает как «бытийная структура понятия». Текст как второе бытие, которое может быть понято, есть язык. Язык через умозрительно-рефлексивный способ бытия выражает свое универсальное онтологическое знание. Сказан-

ное слово, по Гадамеру, «в своем собственном чувственном бытии существует лишь затем, чтобы снять с себя в сказанном. И наоборот, то, что обретает язык, не есть какая-то безъязыковая пред-данность, но получает в слове свою определенность» [12, с. 549], и тем самым происходит «обретение-языка, в котором возвещает о себе вся совокупность смысла» [12, с. 548].

Постижение и понимание смыслов, содержащихся в исследуемом явлении, достигается на особом когнитивном уровне, реализующемся через диалог текстов. «Для гуманитариев текст – это своеобразное бытие, как бы его вторичный уровень. Поэтому в гуманитарных науках познание текста осуществляется в диалоговой форме, представляющей собой общее коммуникативное поле двух сознаний, а в более широком смысле двух культур» [13, с. 112]. Как духовный заместитель реальности текст есть открытая для другого «Я» концептуальная система. Расшифровка и постижение смыслов текста возможно путем интерпретации, исходящей из социокультурной заданности. Интерпретация есть деятельность мышления, приумножающая смыслы, создающая новые,

которые изначально могли и не присутствовать в самом тексте.

Постижение искомым смыслов можно истолковать как результат понимания, а диалог, ядром которого является субъект-субъектное отношение, в этом постижении выступает как метод понимания [14, с. 3–14], ведущий к смысловым определениям вещей. В структуре познания смысл выступает логической конструкцией, указывающей на содержательно-функциональную значимость той или иной реальности, для того, чтобы определить ее место в иерархии сопутствующих человеку вещей, связей, отношений, или в картине окружающего мира. Смыслы, не существующие ни в обществе, ни в природе сами по себе, являются продуктами человеческих усилий, направленных на понимание сущности и закономерности природных и социальных процессов. Понимание в этой человеческой активности выступает процессом смыслообразования.

Таким образом, объяснение, понимание и интерпретация составляют ту необходимую базу процедур, без которых невозможно постижение мира в социально-гуманитарном познании.

10.05.2012

Список литературы:

1. Бахтин, М.М. Проблема текста. Опыт философского анализа // Вопросы литературы. – 1976. – №10.
2. Никитин, Е.П. Объяснение – функция науки. – М.: «Наука», 1970. – Гл. 1.
3. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979.
4. Лекторский, В.А. Субъект, объект, познание. – М.: Изд-во «Наука», 1980.
5. Лотман, Ю.М. От редакции: (О семиотическом подходе к проблеме межтекстовых отношений) // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1982. – Вып. 576.
6. Павиленис, Р.И. Проблема смысла. – М.: Мысль, 1983.
7. Кун, Т. Структура научных революций. – М.: АСТ, 2001.
8. Куайн, У. Онтологическая относительность // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. – М.: Издательская корпорация «Логос», 1996.
9. Спиринов, В.С. Построение древнекитайских текстов. – М.: Наука, 1976.
10. Фуко, М. Археология знания. – Киев: Ника-центр, 1996.
11. Ахиезер А.С., Шуровский М.А. От диалога к диалогизации (в свете концепции В. Библера) // Вопросы философии. – 2005. – №3.
12. Гадамер, Г.Г. Истина и метод. – М.: «Прогресс», 1988.
13. Миронов, В.В. Значение герменевтических функций философии в процессе диалога культур // Человек – Философия – Гуманизм: в 7 т. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. – Т. 6.
14. Мартынович, С.Ф. Понимание и диалог в бытии философии и научного познания // Человек, диалог, понимание. – Саратов: Источник, 1996.

Сведения об авторе: **Хаджаров Магомед Хандулаевич**, заведующий кафедрой философии науки и социологии Оренбургского государственного университета, доктор философских наук, профессор 460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 2552, тел. (3532) 372585, e-mail: mhadgarov@yandex.ru

UDC 165.9

Khadzharov M.Kh.

Orenburg state university; e-mail: mhadgarov@yandex.ru

EXPLANATION, UNDERSTANDING AND INTERPRETING – BASIC COGNITIVE PROCEDURES SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

The article discusses the basic procedures for using mye-in social and humanitarian studies. Identify problems that arise in the aspect of their understanding and use. Their cognitive significance is revealed through a comparative approach and the definition of a functional orientation.

Key words: explanation, understanding and interpretation, cognition, language, communication, text, deconstruction.